

Никита Петров, Андрей Мороз

Деньги в мифологических представлениях и обрядовых практиках: современная крестьянская традиция

Работа написана на материале интервью, собранных в 1993–2012 гг. на юге Архангельской области (Каргопольский, Няндомский, Вельский и Плесецкий районы) и хранящихся в архиве Лаборатории фольклористики РГГУ. Во время беседы информанты неоднократно высказывались на тему денег в повседневной жизни. Сказанное можно суммировать так:

1. Денег не хватает. Это универсальное высказывание, и оно как нельзя более соответствует текущему положению вещей, когда в севернорусских деревнях сельское хозяйство практически умерло и основным источником денег в селах в целом оказываются пенсии, зарплаты бюджетников (учителей, работников администрации), летом — средства дачников (местных жителей, переехавших в города и возвращающихся на родину в отпуск).

2. Сейчас пенсионерам живется неплохо: им платят деньги, хоть и небольшие, но регулярно — такое положение не сравнить с их молодостью, когда за работу не платили ничего.

3. Лучшее время было в 1970-х — начале 1980-х гг., когда в совхозах платили хорошую зарплату.

Андрей Борисович Мороз

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва
abmoroz@yandex.ru

Никита Викторович Петров

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва
nik.vik.petrov@gmail.com

4. При Сталине за работу в колхозах вовсе не платили, работали *за палочки* — трудодни (в бухгалтерских книгах отмечали *палочками* количество отработанных дней и пропорционально расплачивались натурой), причем на трудодень полагались ничтожные выплаты.

5. В Москве живут богато, там большие зарплаты, у всех есть деньги.

Описанная ситуация (и ее восприятие) является продолжением более давней, когда для жителей деревень в большей степени был характерен натуральный обмен, чем товарно-денежные отношения. Таким образом, можно сказать, что обладание деньгами было для традиционного села ситуацией не только нехарактерной, но и исключительной (см. подробнее статью К. Богданова: [Богданов 2013]). Соответственно, мифологизация денег продиктована в значительной степени обстоятельствами повседневной жизни. Человек богатый, будучи фигурой нетипичной для села, воспринимался (а отчасти и воспринимается по сей день) как приобретший богатство неправильным или несправедливым путем, часто не без участия потустороннего мира. По всей видимости, именно эта идея является основой для мифологизации *богатого человека* и *богатства* вообще в мифологических нарративах и обрядовых практиках.

Демон приносит деньги

Для текстов актуальной мифологии характерно упоминание не столько денег как таковых, сколько богатства.

В указателях мотивов традиционных мифологических рассказов [Айвазян 1975; Зиновьев 1985] мотивы, в которых упоминаются *деньги*, можно разделить на две большие группы: «деньги принадлежат нечистой силе» и «поиск кладов» — *домовой велит* [хозяевам] *лучше спрятать деньги, чтобы не украли* [Зиновьев 1985: Б I 136]; покойник наказывает за непочтительность, обиду или кощунство, человек уносит деньги или какую-нибудь вещь с могилы шамана [Там же: Г III 4]; клад показывается в образе женщины (девочки) — появляется в доме, при ударе рассыпается золотом; в доме находят шкатулку с деньгами [Там же: Д 16]; домовый беспокоится, получила ли семья деньги, посланные ей отцом [Там же: Б I 25]; клад принимает различные образы [Там же: Д]; человек обманывает черта, несущего деньги, и обогащается [Айвазян 1975: В I 43]; леший награждает человека, прикрывшего в лесу его нагих детей, богатством [Там же: А I 12 б]; увидеть домового в шерсти — к богатству [Там же: Б I 9в];

гуменник¹ обещает хозяину богатство в обмен на то, чего он дома не знает (родилась дочь) [Айвазян 1975: БП 6]; черт награждает углем, который оказывается золотом [Гордеева 1991: ВІ 30]; человек заставляет чертей носить ему золото [Там же: ВІ 45в].

Отдельного упоминания заслуживают рассказы о *змее-обогатителе*, *выпаренном* из яйца черного петуха, которое надо носить 40 дней под мышкой. В группе текстов, записанных на территории Архангельской области, богатство, которое приносит змей, — это не только деньги, но и молоко, хлеб: *И это змей вот* [говорит]: «*Хозяйка, вот чего тебе надо? Чем ты нуждаешься?*» *Раньше дак хлебом нуждалися, деньгами, молоком, хлебом — ты чего накажешь?* [Скулачев 2012: 21].

В другом тексте из этой подборки змей приносит хозяевам деньги и кладет их за икону — в традиционном для крестьянина месте хранения ценных вещей: [Я] *еще была маленькая, в один дом змей деньги носил, в иконе все* [прятал] [Скулачев 2012: 21].

Змея-обогатителя необходимо своевременно уничтожить, иначе он спалит дом, в который приносил деньги: *А уничтожить-то было трудно ёго. Он, если ницё не сделаешь, он потом сожгёт тебя и дом сожгёт* [Скулачев 2012: 21].

Ту же функцию выполняют и черти, находящиеся у колдуна в работниках: *И они* [черти] *деньги приносят; говорят: «Вот, сходи к тому-ту, это, это... ну, возьми денег. Они* [черти] *всё знают, найдут и принесут ему их* [АЛФ, Благовещенск, РАН, зап. 2009].

Перечисленные выше мифологические персонажи — домовый, черти, леший, летающий змей, покойник — хранители богатства. Они приносят его в дом, показывают, где находятся деньги, клад. Однако *богатство* может само по себе стать своего рода мифологическим персонажем, например, в быличках на эту тему клад является персонифицированным субъектом: принимает образы старика, старухи, золотого барашка [Зиновьев 1985: Д 1–4].

Разбойничий клад, деньги царей и бедные святые

В преданиях и легендах деньги принадлежат лицу, имеющему высокий социальный статус (правитель, святой), либо находятся во владении разбойников, что в какой-то степени позволяет выстроить эти персонажи в один ряд: правитель — святой — священник — купец — разбойник. Все они носят более

¹ *Гуменник* — персонаж славянской мифологии, сходный по функциям с домовым, живущий в помещении (гумно), предназначенном для молотбы или для хранения сена.

или менее ярко выраженные черты «сверхчеловека»: или обладают сакральной силой и могут совершать чудеса (святые), или обладают способностью к оборотничеству и колдовству (разбойники), или относятся к социальной среде, недостижимой и по сути тоже мифологизированной (правители, купцы), или, наконец, воспринимаются как посредники между миром людей и иным миром (священники). Во всех таких текстах речь идет не о конкретной сумме денег, принадлежащей им, а о богатстве или об условной сумме, которая его символизирует. При этом основное содержание таких рассказов заключается в осуществившемся или неосуществившемся переходе богатства от одного персонажа к другому и/или его бесцельном, неоправданном использовании (о связи подобных персонажей и денег в русском фольклоре см. статью К. Богданова: [Богданов 2013]).

Святые обычно не столько являются обладателями богатства, сколько выступают в таком качестве в глазах их оппонентов: нечистой силы, грешников, разбойников, которые ищут сокровище, якобы спрятанное святым, пытаются ограбить его и оказываются за это наказанными:

Кирила Челмогорский шел к нам в деревню, а эти идолы — бандиты-то, чудь белоглаза, ну казара¹ — у него и спрашивают: «Отец, где у тебя кошелек?» «А идите, — говорит, — там, за иконой, мой, — говорит, — кошелек». А сам идет сюда, в деревню. Они пришли к нему, к келье — вот <...> яма-та. Вот тут его было жилище. Они только до иконы добрались и ослепли [Каргополье 2009: 90].

Кампания разрушения и разграбления церквей и монастырей при советской власти стала мощным стимулом для развития и до того имевшего место представления о том, что священнослужители прячут богатство в церквях или рядом с ними. Существует значительное количество текстов, в которых и представители власти, и сами деревенские жители пытаются найти спрятанное в земле золото:

Вот про камень-то бабушка Ольга <...> рассказывала: вот жили каторжники — они, говорят, зарыли <...> под камнем это... золотишко свое. Они бежали, грабанули какую-то церковь [Каргополье 2009: 59].

Цари и купцы тоже часто оказываются в роли жертв, у которых деньги отнимаются или выманиваются обманом:

Вот, значит, Екатерина II <...> ехала в Каргополь сюда <...>, а бандиты — раньше разбойники, ушкуйники были, ушкуйники

¹ *Казара* — прозвище жителей деревни Казариновская, соседней с той, где сделана запись.

назывались — карету ейную ограбили, обчистили где-то там, окол Ухты, золотишко у их всё грабанули, всё, всё, что можно было, и она не доехала до Каргополя из-за этого [Каргополье 2009: 85].

[Петр I] *Меньшикову дал задание: «Вот тебе, говорит, девяносто два рубля, чтоб корабли стояли в Архангельске» <...> Меньшиков ходит, этим делом [пощелкивание по шее¹] туды-суды, мужиков позвал: «Стройте, мужики». Ну давай, строят да строят, строят да строят. «Деньги давай, Меньшиков», — а он: «Денег нет». Шлет Петру I телеграмму:*

«Для постройки кораблей

Остается семь рублей,

А остальные все рубли,

Так сказать... [пропили и проебли]» [Каргополье 2009: 24–25].

Во всех описанных случаях деньги суть богатство. Речь идет всегда не о большей или меньшей сумме, которую можно потратить на нечто, имеющее практическую пользу, но о некоем абсолютном богатстве, которое важно само по себе безотносительно к покупательной способности владеющего им персонажа. Последний пример про постройку кораблей не противоречит нашим выводам, поскольку и сумма 100 рублей крайне условна, и потрачена она была противоположным приказу Петра образом, и, наконец, взамен потраченной суммы не было приобретено ничего (ср. переносное, но основное по употреблению значение глагола *проебать* — «упустить, потерять»).

Деньги на свадьбу

В некоторых обрядах сама купля-продажа приобретает характер ритуального символического действия, т.е. внимание концентрируется не на факте оплаты, не на сумме ее, а на самом действии. Купля-продажа здесь представляет собой идеальное воплощение конкуренции между двумя сторонами, каждая из которых старается обмануть противника, выгадать себе что-либо, но в конце концов стороны приходят к обоюдно выгодному соглашению. Таков свадебный обряд, весь построенный на конкуренции сторон жениха и невесты. От сватовства (*У вас товар — у нас купец*) и до брачной ночи разыгрывается сюжет покупки женихом невесты:

Наредят [невесту] и садятся кругом, деушки и невеста тут, ждут жанихов, вот-вот приедут. Но тут они вси едут. Жених

¹ Пощелкивание по шее означает, что Меньшиков в это время пьянствовал.

не один, с товарищами. Когда на тарантасе¹, а когда на двух тарантасах там, на парах, на конях. Заходят в избу жанихи, деушки сидят: «Но, проходите, князя молодые, проходите, не стесняйтесь». А они проходят к столу, где деушки-то, становятся. «Но, что вам угодно?» — «А нам угодно место и невеста», — жених отвечает. — «Ну дак ведь мы так не отдаем невесту. Мы две неделюшки не спали, все штиблеты истоптали, платьица все помяли. Пожалуйста нам на орехи». Деньги чтобы дали на гостинцы. Тут у деушек тарелка под деньги. Но, они там скинут немного. «Нет, этого мало! Давайте, не скупитесь!» — «Но, не отдаете, так мы в другую там... — повернутся. — Мы в другой есть дом пойдём». — «Уходите, уходите!» Ешчѣ прибавляют на гостинцы. Но вот прибавят, дак они и хвалят [АЛФ, Ухта, ПЕК, зап. 1996].

Деньги или угощение получали те, кто перегораживал дорогу свадебному поезду (движение которого символизировало будущую жизнь семьи, и потому остановки в пути или необходимость повернуть назад считались крайне нежелательными):

Там перегораживали, тоже деньги просили, не пропускали. [Чем перегораживали?] А просто встанем, да и всё, а в некоторых случаях, дак даже бревна притаскивали, вот это и вот. Ну, чтоб дали денег. [Денег?] Выкуп, да. [Или угощение?] Ну, кто как. Ну бутылку просили, если мужчины были, дак бутылку просили. Всегда давали [АЛФ, Моша, ЕСИ, зап. 2003].

Семантика богатства, демонстрация хозяйственных навыков невесты отражаются в ритуальном собирании денег молодоженами. Деньги упоминаются в одном ряду с другими предметами, имеющими в этом контексте то же или близкое значение: черепками от сознательно разбитой посуды. Здесь помимо идеи богатства ярко выражена идея утраты девственности (сосуд разбивается) и деторождения (от этого образуется множество осколков):

Это когда свадьба пройдет, вот расходятся поздно, молодые спят, и, значит, берут крынки, горшки и туда <...> ложат туда деньги и невесту заставляют [подметать]... дают метелку, веничек. И вот трахнут банку, вся вдребезги <...> И вот о пол трахают-та, а свекровь ходит: «Подметай, подметай, невестушка, лучше, лучше, там как зовут — Аннушка ли, Марьюшка ли; подметай, подметай, чтобы люди не смеялися, чисто чтобы было, а тут начнут-то грохать дак не жалели денег». А потом эту салфетку, стекла убрала, деньги жених собирает, а невеста осколки, стекла собирает и веником да на этот на совочек ну вот,

¹ Тарантас — четырехколесная конная повозка, распространенная в России в первой половине XIX в.

а потом жених эту, деньги остаются тут, он эту салфетку вот так с угла на угол, четыре угла, забирает, на плечо, невесту под руку — пошли деньги считать. [Это под утро уже?] На второй день. [После брачной ночи?] Да, да, да. И идут в магазин [АЛФ, Ухта, ТИС, зап. 1996].

Могильные деньги

В отличие от несказочной прозы в ритуальных текстах используются иные деньги (не богатство): их всегда мало (десять копеек, пять копеек); существует единица счета денег (монета, копейка); семантически значимы и металлы, из которых изготовлены деньги (золото, серебро, медь). Было бы трудно найти такой обряд, в котором деньги бы вовсе не использовались, они стали обязательным атрибутом обряда, а иногда и одним из основных ритуальных предметов. Если в нарративах мы имеем синонимическую пару *деньги* — *богатство*, то в обрядности это пара *деньги* — *монеты*. Они используются именно как платежное средство, однако речь идет об оплате каких-либо благ, получаемых от представителей потустороннего мира, поскольку контакты с ними человека в значительной степени строятся на принципе обмена или купли-продажи. Принесение дара — это обязательное условие при апелляции человека к персонажам иного мира. Такая ритуальная практика наиболее частотна в обрядах поминально-похоронного цикла. Во время похорон кладут деньги в гроб к покойнику или кидают в могилу, чтобы *окупить место* на кладбище (или на том свете).

Когда закрывают [покойника] в могилку, дак денюжек медных туда пихнут — могилу окупали. Опустят гроб, туда платок носовой свой, которым плакала, слезы-то чтобы ушли, и окупают могилу. [У кого?] У земли [АЛФ, Ухта, КАП, зап. 1996].

Деньги клали. Когда выкопают яму, дак потом клали на низ в могилу. [Зачем?] Чтобы могилу окупить, так приговаривали. [У кого?] У Господа Бога. Когда будешь кидать деньги, и платочек свой бросишь [АЛФ, Медведево, БАФ, зап. 1996].

Кидают денежки, копейцки купят — могилу покупают. [У кого?] Подь знай, у кого покупаиш. Надо домик окупить [АЛФ, Лядины, АВА, зап. 1997].

Нать [в могилу] кинуть денёжок, пусть он там дом себе купит [АЛФ, Калитинка, ЗЯП, зап. 1993].

[Что бросают в могилу?] Монеты. [Зачем?] Может, землю окупают. [У кого?] Ну, там же свой, наверно, есть владыка [АЛФ, Лядины, ЕЗИ, зап. 1997].

Деньги и богатство настолько тесно связаны с миром мертвых, что случайно найденный клад также оказывается принадлежащим покойникам:

Где-то были в лесу, спрятались... дождь пошел, спрятались под елку и вдруг нашли крыночку, в крыночке деньги. Вот они испугались, а который постарше, Степка называли, Степка — парень постарше, сказал: «Вот теперь покойники оставили, покойники придут, дак нас убьют, и побежали, мол». Побежали домой, матери сказали, матери сходили, а уже этой крыночки нет. Степка постарше, дак сбежал с отцом, дак эту крыночку и унесли [Каргополье 2009: 84].

Перенос социальных отношений в загробный мир реализуется через наделение умерших деньгами:

Деньги там потом бросают в могилу. [Зачем?] Не знаю, чтобы там жил, деньги были, а теперь в гроб ложат и бумажные [АЛФ, Печниково, ТАИ, зап. 1997].

Богатые, дак и деньги кидали [в могилу]. [Зачем?] Обогащить могилу. [Что это значит?] Ну, чтобы, я не знаю, что... деньги кидали, дак чтобы покойник был спокойной и что он уж повалён со всем со своим, питаньём. Так вот в могилу кидали деньги, всякие: и медные, и серебряные, а в первую очередь дак еще... ну, эти деньги-ти в первую очередь кидали [АЛФ, Рягово, ЗУА, зап. 1998].

Про эту традицию в славянской этнографии и традиционном фольклоре см. статью К. Богданова: [Богданов 2013]).

Деньги под дом и на святые места

Выкуп места под могилу, выкуп гроба («дома» в похоронной обрядности) эквивалентен выкупу места под дом в строительном обряде настолько, что для этого используется тот же термин: *окупать место*.

Под угол дома будущие хозяева или строители кладут монеты:

Да, даже у хлева, у бани клали [монеты]. Не знаю для чего, но клали. Но только монеты не медные, а серебряные. Медно — будет бедно¹ [АЛФ, Ухта, ПАК, зап. 1996].

[Когда строили дом,] я слыхала, что монету ложили под углы. Деньги... Чтобы хозяин [?] богато. [Какие?] Металлические, хоть какие сложишь. Хоть пятак, хоть десять копеек... [АЛФ, Сварозеро, МАС, зап. 1996].

¹ В этом примере интересна основанная на фонетической близости связь между медью и отсутствием богатства: медно — бедно.

Ну, клали там какие-то денежки, говорят, под углы. Серебряные там, что как место окупают. [У кого окупают?] Ну как, у Господа Бога, что уж Господь благословит нас, окупают. Для своей счастье уж [АЛФ, Шильда, КЕС, зап. 1996].

Иногда эквивалентом денег в этом обряде может выступать зерно — ячмень, который в местных диалектах называется *жито*.

Сходным смыслом, видимо, обладает обычай оставлять монеты в культовых местах. Монета может восприниматься либо как жертва сакральному персонажу, либо как вотив.

У нас вот часовенка раньше была, дак на Ильинской пятнице в часовенку только ходили. Она для заветов была. Дак мы и потоперь, которые старше, дак ходим... Завет какой надо скласть... ну кому какой завет надо: на скотину ли, на себя ли, дак вот в эту часовенку и ходим. Там снесут хлебушка, пирогов каких-нибудь да денежек снесешь, а там где-ка часовенка-то была, там камень большой у нас специальный такой ести, так мы на этот камень, как на престол, сположим да... [АЛФ, Данилово, ШЛК, зап. 1996].

Брать себе деньги, оставленные в таких местах, считается большим грехом и сулит опасности для нарушителя запрета:

Денежки клали, нын стали вынимать. Дак теперь что, в этот йорданчик-от и стали денежки кидать. Под крестик положишь, все равно выловя тут. А этими деньгами разве ты наживешься? Если человек принес там, так каки-нибудь копейки, да положил, ли рубли, дак уж ты возьмешь как эти деньги, ты не разживешься. Оне положены как на дело, вот на того человека грех не пойдё, а хто возьмё, на того всё падё. Вот так [Каргополье 2009: 132].

Лечение и деньги

Некоторые типы денег могут приобретать и другое символическое значение, например серебряные монеты обладают семантикой красоты и здоровья. Это представление получает воплощение в практиках родин и народной медицины.

Сразу после рождения ребенка в обязанности повитухи входило мытье новорожденного, которое помимо гигиенической процедуры должно было обеспечивать младенцу здоровье и нормальный сон. Первые омовения совершались водой, в которую клали обереги и предметы, обеспечивающие ребенку красоту и богатство (соль, яйцо, травы, серебряную монету):

[Знахарка] *чё-то пошопчёт всё, пошопчёт, воду-ту. А водичку уж это как гриешь, так ему уж особу нагриешь, дома ли, как тут, отнесешь <...> Дома положишь в кастрюльку, в печи согри-*

ешь, унесешь вымыть. И виник возьмешь, вот три вички¹ из виника — парить² ёго, робёнка. Три вички. Выдернет, вот его тут там и помашет этими, листочками. Это, к нам все ходила старуха дак. Дак уж она там чё говорит. Что там: «Не болей»... да чё-нибудь приговариват. [А деньги в воду не клали?] Дак денежки, вот я говорю, что двадцать копеек всё клали [Знатки 2013: № 352].

Серебряные деньги используются и в обрядах очищения. Для получения красоты на весь год в Великий четверг (последний четверг перед Пасхой) умывались с монеты: *А вот в этот [умывальник] ложили еще деньги серебряные, с которых умывались [АЛФ, Нокола, КЕА, зап. 1997].*

В заговорном тексте, направленном на получение красоты, слова *Ах, ты серебро, чисто, бело походно и почетно, всем царям, царицам и красным девицам и удалым добрым молодцам на мои слова ключ, замок Аминь 3 раза намыться и носить* [Знатки 2013: № 518] должны произноситься при умывании водой, в которой лежит серебряная монета.

В случае с конкретными болезнями (а не для превентивного обеспечения здоровья вообще и красоты) тоже используются деньги, но с другими характеристиками (старые, медные):

[От головной боли] Хорошо у березы постоять и, тридцатых годов есть металлические деньги, мелочь тридцатых годов выпуска к вискам прикладывать хорошо, тоже помогают. [Серебряные?] Нет, медь, и постарше можно. У меня дак есть 1842 года деньга старинная [АЛФ, Казаково, КАИ, зап. 1998].

[Как лечили паховую грыжу у мальчиков?] Яйца [кота], а так старались найти золотой рубль, привязывали. Ну, а нет этого рубля, привязывали пятак медный [АЛФ, Труфаново, АЕС, зап. 1998].

Деньги могут выражать понятие более общего характера — *наделение долей*. Например, информант, рассказывая о гадании на Святки, упоминает об обрядовой выпечке, куда запекалась монета:

В Новый год, вот четырнадцатого [числа], стряпали такую большую-большую драчёвню³. Картофельную. На сковороде. Туда застряпывали двадцать копеек. Монетку двадцать копеек. Вот, едим все вместе с этой сковороды, и кому попадет, тому счастье в год будет [АЛФ, Нокола, КЕА, зап. 1997].

¹ Вица, вичка — ветка, веточка (арх. диал.).

² Имеется в виду парить ребенка в бане.

³ Драчёвня — картофельная запеканка на сковороде (арх. диал.).

Порча на деньги и защита деньгами

Свойство денег многократно переходить из рук в руки (напомним, что для традиционного ведения хозяйства это свойство весьма необычно, что подтверждается многочисленными запретами давать займы какую-либо домашнюю утварь, одежду, предметы повседневного обихода, а также представлениями, что предметы чужие или бывшие в соприкосновении с посторонними опасны как несущие сглаз или порчу) наделяет деньги способностью передавать сглаз и вообще быть носителем магической силы:

У нас Райка работала в магазине в Няндомы, вот приехала, тожо у ней тут [около седьмого позвонка] пятонышко на шее. «Мама, — говорит, — у меня какое-то пятонышко на шее, волосы приставают, — говорит, — чего надо делать-то?» — говорит <...> На второй раз приехала, у ей уже большое, с пятак, такойё большоё уж <...> То ли... через деньги, в магазине работала дак, то ли в баню ходит дак... [АЛФ, Мехреньга, БВЛ, УМФ, БЛМ, зап. 2005].

Люди насылают порчу, наговаривая вредоносные слова на деньги: *Кстати, сколько раз вот находили... порчу наводят (ну это раньше же бабки были) — сколько раз находили зубы, деньги под домом... [АЛФ, Хозьмино, КАЕ, зап. 2010].*

Одновременно деньги оказываются сильным оберегом, защищающим от порчи и неудачи.

Вот десять копеек старых кладут, когда на суд кто-то идет ли, куда ли. Десять копеек в правый карман¹. И глядеть нать на матицу все время, кода в суд пойдешь [смотреть на матицу еще дома] [АЛФ, Казаково, УЗА, КВИ, зап. 1998].

А я слыхала, что вот это, в подол, деньгу серебряную держали и иголку, в подол куда-нибудь там, чтоб не испортили, слыхала. [Невеста сама зашивала?] Нет. Она и не знает. Чтобы не знали, что сделали [АЛФ, Рягово, РАВ, зап. 1998].

Вот невеста выходила, дак клали в обувь, клали, да какой-то клали в ногу пятачок ли, что ли. [В ногу?] В ногу, под подошву вот обуви, так [нрзб.] чтобы под пятаку... тоже чтоб ее беречь, чтобы к ней не приставало ничего [АЛФ, Чурилово, СКМ, зап. 1996].

Об обычае класть пятак под пятаку см. статью А. Астаповой [Астапова 2013].

¹ Интересно, что в этом случае деньги, положенные в карман перед походом в суд, можно рассматривать в качестве символического эквивалента взятки.

Плата и расплата

Люди, занимающиеся в деревнях ремеслом, до сих пор воспринимаются подобно знахарям и, соответственно, пользуются особым положением посредников между миром людей и потусторонним пространством. Все они *что-то знают*, т.е. обладают магическим знанием, а потому не угодить или досадить этим людям нельзя: в противном случае тебя ждет наказание. Существенным отличием от платы мифологическим персонажам здесь будет то, что речь идет не о символической, условной плате (*монетка*), а о реальных деньгах. Если не заплатить плотникам или печникам за работу, то любое строение или предмет, ими изготовленный, не будет выполнять своего прямого назначения и окажется *испорченным*:

Он рассчитался с ними худо, и они взяли ему подшутили — ворону дохлу положили под пол. И эта ворона... Ночью всё преет, они такие раньше караваи пекли, большие пекли-то — всё подчистую, говорит [мама рассказывала], что на столе останется хлеб, хоть чего — всё подчистую, ничего не могли напекаться, ничего. Она [ворона] съедала. Со словами, они там сказали чего-то. Вот. И всю ночь, говорит, спать валится — то в коридоре стук такой, бряк <...> Это — выйдут — никого нет. Опять зайдут — и всю ночь вот так ходят-бродят. И в старом [доме] тоже житья не было, тоже пугало ходило. А потом, говорит, вышли — такая большая собака сидит, вообще, говорит, огромная-огромная. Хозяин видит — черная ж собака — и исчезла. Такая миловидна, смотрит голодными глазами, говорит. И потом [поп] мучился-мучился, а эти работники уже далёко, сто километров, говорит. Не поленился, взял эту лошадь, съездил за ними, привез, откормил, сколько надо, отдал им там деньги, и они из подпола вытащили ворону — и всё. И спать стали, и в новый дом перешли [Знатки 2013: № 76].

Применительно к знахарям важно понимать саму систему оплаты: берут ли они плату деньгами, и если да, то как именно. Например, существует представление, что нельзя давать деньги в руки, а надо класть их в тайное место:

[Знахари за услуги деньги] никогда не берут. [Надо] или что-то оставить или... [Сам знахарь] не возьмет, когда приходят, это я слышал, к той же Оксе¹. Приходишь, [надо] что-то положить, только если она увидит, сам унесешь. [Надо] запихать куда-нибудь, чтоб не знала. [Что приносят?] Да тряпку какую-нибудь чего-нибудь. [И продукты?] Да вот это [АЛФ, Рягово, ОБВ, зап. 1998].

¹ Окса — прозвище знахарки.

[Вы не берете денег в руки?] *Да, за роботу когда дают деньги, мне брать в руки нельзя. [Почему?] А вот так — дедко мене передал всё, так и сказал: «Любые продукты, вещи можешь брать, а денег в руки нельзя брать <...> Если я деньги взяла, значит со мной что-то случится <...> Никто не обсчитывает меня, никто ничего: лишних денег не кладет и меньше не складет. Сколько надо, столько и ложат. [А куда можно класть деньги?] На стол ли там, хоть на стул положь. [А еще куда?] А в любое место. Лишь бы не в руки. Лишь бы не в руки. В любое место. [А в магазине?] А это уже дело другое. [Это только за работу?] Да, это только работа моя [АЛФ, Каргополь, ЧКИ, зап. 2002].*

Те же ограничения накладываются и на устную благодарность: заказчики лечения не должны говорить знахарям *спасибо*, так как в этом случае *слова* (заговор) не подействуют. В целом сельские знахари скорее оказывают помощь бескорыстно (по крайней мере формально), что, разумеется, не мешает тем, кому они помогают, одаривать их. В городах и даже в небольших районных центрах картина иная: там отмечается большая «коммерциализация» услуг знахаря под влиянием особенностей городской жизни:

Вот Ксения Ильинична, если она что-то заговорила или массаж сделала, или вот я упала — ключицу... вывернула, ходила к ней исцеляла, надо к ней идти, надо что-то нести: и деньги, и еще что-то нести — она так делать тебе не будет [Знатки 2013: № 127].

При этом знахари, практикующие в основном в границах собственной деревни и не принимающие незнакомых людей, часто вовсе отказываются от платы, ни при каких обстоятельствах не признавая себя знающими.

Хранение и передача денег

В силу перечисленных особенностей деньги занимают специфическое место в традиционной культуре, что вызывает к жизни особые ограничения в их использовании. Как уже было сказано, будучи предметом, ходящим из рук в руки, деньги постоянно несут опасность их обладателю. Тем более опасным считается брать деньги, не предназначенные тебе непосредственно: они могут принести порчу и другие несчастья. В частности, такое ограничение касается найденных денег:

Вот и деньги лежат, медяки тамо — тоже не бери денёг. Та каки, копейка ли как, тожо не зарься деньгам. [Почему?] А не надо, не надо. Не зарь. Я той поре в Няндоме нашла три копейки. Подняла. Будто зависть меня одолела. Спасла свои дела. А десятку потеряла да. Вот. И с той поры он [сын]: «Мама, никогда не бери». Ножа

не бери и денёг: медяков и серебра, и медяков — никогда не бери. Не зарься деньгам [АЛФ, Калитинка, 2001, ТВТ, зап. 2001].

Одновременно существует запрет на передачу денег из рук в руки:

Она принёсла деньги... а дедко-то ей это на веранде встретил, она ему на веранде-то деньги-ти и подала. Это дело летом было. Я-то пришла из бани-то... а он не такой вот какой-то. Как вот такой дерганый, чудной. А он у меня такой спокойный, дедко-то. Я говорю: «Николай, ты будто чёго-то не того». — «Ой, — говорит, — не говори! Эта пришла, — говорит, — мне-ка деньги-ти принёсла, подала, я, — говорит, — день... да, — говорит, — я не из рук деньги-ти брал, она на стол вот это, на стол, — говорит, — положила, на веранды. И меня, — говорит, — как стало тошнить, дак тошнить! Дак я, — говорит, — так заболел!» [Знатки 2013: № 139].

В этой связи рекомендуется передавать деньги, положив их куда-либо. Известна также практика при купле-продаже брать деньги не голой рукой, а либо в рукавицах, либо из полы в полу одежды. При передаче денег рекомендуется их правой рукой получать, а левой — отдавать [АЛФ, Льнозавод, ФКГ, ФМФ, зап. 1999] (оппозиция *правый-левый* как *позитивный-негативный*: отдавать деньги плохо, получать — хорошо).

Особым образом регламентировано хранение денег. Так, существует оппозиция денег и стола, на котором совершается трапеза: деньги запрещается класть на стол, кроме того, на стол запрещается класть рукавицы — под тем предлогом, что в доме не будет денег. Это, возможно, объясняется априорной «нечистой» денег и, напротив, своеобразной святостью стола (*Стол, говорят, есть престол* [АЛФ, Лекшма, ПВА, зап. 1998]). Местом, где традиционно хранились деньги в крестьянской избе (сейчас это правило уже неактуально), обычно была *божница* — полка в правом переднем углу дома (или в его восточном углу), на которой стоят иконы. Таким образом, деньги как бы отдаются под присмотр, на хранение Богу и святым в надежде на их большую сохранность. Этим, вероятно, объясняются упомянутые выше мотивы «змея носит богатство в икону» и «разбойники ищут сокровища за иконой».

Чтобы жилось богато: продуцирующая магия

Деньги имеют ритуальное значение и вне акции купли-продажи. Передача, дарение или бросание каких-либо монет должно продуцировать богатство. При переходе в новый дом на пол сыплют ячмень (*жито*), чтобы в доме (хорошо) жилось, и/или деньги для богатства:

Все тут учат, как надо заходить [в новый дом], так как — сначала соль, говорят, надо сыпать, да ну в дом-то в новый, еще чего-то, денежки кидать дак [АЛФ, Бор, ГЛМ, зап. 1996].

У меня сын собирал деньги — под правый угол в доме всегда денежку клали, обязательно, вы знаете? <...> чтоб в доме деньги водились, чтоб счастье было, чтоб дом хорошо. Обязательно... в правый [угол клали на монетку] [АЛФ, Архангело, ВАС, СОА, зап. 2008].

Для богатого урожая клали монеты в борозду, прежде чем начать пахоту: *Когда запахивали, то только денежку брали <...> медь положат и пойдут [АЛФ, Евсино, БАА, зап. 1996].*

Приведенные примеры могут быть истолкованы двояко: деньги кладутся как плата или как ритуальный предмет, обладающий продуцирующей силой. В самой традиции обе мотивировки сосуществуют даже в сознании одного носителя.

Для обеспечения богатства в семье молодых осыпают *житом* (в современных условиях, когда ячмень почти не сеется, используется купленная в магазине крупа, чаще всего рисовая) или монетами. В данном контексте информант сам отмечает, что практика обсыпания молодоженов деньгами более поздняя, так как раньше обсыпали зерном. В соответствии с этим идея плодородия в представлениях о более раннем времени заменяется идеей богатства, которая связывается со временем настоящим:

[Дорогу перед молодыми] рисом посыпали, и даже монетами — валялись. [Зачем?] Чтобы счастливые были. А раньше обсыпали житом, жито — по деревне раньше называли «жито» — ячмень [АЛФ, Труфаново, ПЕН, зап. 1998].

То же делается на новоселье:

Когда идешь в чужой дом, например вот в новую квартиру человек перешел, идешь в новую квартиру, нести надо какой-нибудь полено взять или денежок, мелочи взять [АЛФ, Казаково, 1998, КВИ, зап. 1998].

Символика доли / спора

Актуализация идеи доли или *спора* (благополучия, урожайности, вода скота и т.п.) может быть усмотрена и в *символической плате* — обычае давать за подаренные / отданные предметы, которые могут реализовывать идею благополучия, везения, условную незначительную сумму денег. Эта идея может быть реализована по нескольким сходным моделям. Общий смысл ритуала в том, что, когда отдается часть целого, есть опасность

потерять целое (для отдающего) или утратить полученное (для берущего). Доля (*спор*) выступает как свойство, лежащее вне материального объекта, и хотя сопутствует ему, но может быть от него отчуждена. Поэтому возникает необходимость дополнительных обрядовых действий, сопровождающих передачу предметов и обеспечивающих пропорциональное разделение доли (*спора*) между дающим и берущим.

А) Рассадку, семена, лук на посадку и т.п. знакомым продавать не принято, однако считается необходимым, чтобы берущий символически заплатил за подаренное *хоть копейку*, иначе у дающего не будет урожая:

У меня клубника росла <...> Валя [дочь] взяла, да рассады-то на-копала самоварное ведро. Я сказала: «Ты без копейки не давай». Она ведь меня не послушала. Теперь ничё нет. Хоть какие семена давать — надо копейка на руку брать. А этак напросто — нет, безо всего останесси [АЛФ, Архангело, ЕИ, зап. 1995].

Забирая часть растений и не оставляя за него условной платы, берущий может забрать урожайность всей рассады, а не только подаренной.

Б) Сходная модель, но направленная в обратную сторону, видна, например, в случае, когда берут домашнее животное. Если за него не дать условной платы, оно не приживется:

У меня кошка была там дома в Северодвинске, дак котят брали и пр... Я говорю: «Не надо никаких денег». Дац ну там пяточок какой-нибудь сунут просто. Всё говорят, что если деньги дашь, дак кошка лучше жить будет, приживется [АЛФ, Калитинка, КГИ, зап. 2001].

Не заплатив, а просто взяв животное, получатель берет собственно его, оставляя невыкупленным его долю (*вод*), без которого звери не будут *вестись*.

В) Та же семантика *спора*, но уже в случае не дарения (символической купли-продажи), а собственно купли-продажи чего-либо ценного, выражается в необходимости получить сдачу. В рукописном сборнике заговоров приводится такая рекомендация: *Покупайте скот, давайте так за него деньги, чтобы вам была сдача от продавца, тогда скот будет водиться [АЛФ, Хозьмино, ЧГА, зап. 2010].*

Деньги как заместитель и усилитель

В контексте знахарских практик деньги выступают как эквивалент зубов (возможно, по аналогии с металлическими зубами). Если у знахаря не все зубы целы, произносимый им заговор

не будет иметь силы. Выйти из такого положения можно, положив на место недостающего зуба монету:

Ту же самую грыжу, говорят, загрызают, значит тоже к ней бесполезно уже обращаться, у ней нет зубов своих. <...> [А когда монету прикладывают?] Ну ведь... [Что-то сказать нужно?] Я лично ничего не говорила. Она мне просто говорила, что пусть она, эта монета, будет. Искупала, высушила — обратно ее приделала [Знатки 2013: № 123].

Обычно... но с такими зубами можно заговаривать. Они же у тебя во рту, а если зубов нету — нужно положить в рот копеечку. С копеечкой заговаривать [Знатки 2013: № 127].

Вера, что отсутствующие у знахарки зубы можно заменить только монеткой, настолько устойчиво в описываемой традиции, что никаких других вариантов замены не отмечено.

Деньги превращаются в...

На потусторонний характер приносимого богатства указывает ряд признаков. С одной стороны, часто (но далеко не всегда) полученное таким образом богатство впоследствии превращается в не имеющие ценности предметы (черепки, угли, листья), а то и просто в нечистоты (пряники обращаются в конский навоз, деньги — в листья):

Ведь денег-то надоть. Ревела, ревела. А ночью он [змея] прилетел и говорит: «Плакала ты сегодня, вот я тебе денег-то и принес». И выложит несколько тыщи. А потом улетел. Глядь — а на столе-то не деньги лежат, а листья [Мифологические рассказы 2007: № 726].

Оппозиция, объединяющая богатство (клад, неожиданным или необычным способом приобретенное сокровище) с экскрементами, является фольклорной универсалией, которая просматривается и в других жанрах. Так, фольклорное снотолкование основано в большой степени на сближении противоположностей (то, что видится во сне, предзнаменует противоположное наяву): «Наиболее характерным и, вероятно, древним принципом толкования является принцип переворачивания значения символа-знака, придания противоположного смысла результату. В народной традиции широко распространено убеждение, что видеть во сне экскременты — к деньгам, к золоту, измараться ими — к большим деньгам, а видеть во сне золото значит испачкать постель. На основе этого мотива возникло много быличек, кратких юмористических рассказов и анекдотов, известных не только в крестьянской, но и в городской среде. По сути дела на основе именно такого

поверья и возникли в прошлом ароматные русские слова *золотарь, золотая рота, золоторотец*» [Голстой 2003: 306].

В современных фольклорных текстах связь денег с экскрементами является довольно устойчивой:

Я дак слышал, конечно и... к деньгам, дак ты весь вымажешься в своем... ну как сказать-то... неудобно за столом-то говорить... ну в навозе вымажешь — вот это, говорят, к деньгам. А насколько правда, я тожо не знаю, кто ёго знает [АЛФ, Абакумово, 2000, ОВМ, ОАГ, зап. 2000].

В детской *потешке* (песенка-приговорка) деньги и экскременты оказываются в одном ряду: сначала появляются деньги, наложенные золотым ковшиком дедушкой в горб, затем нос, испачканный в экскрементах.

— *Что в горбу?*

— *Денежки.*

— *Кто наклал?*

— *Дедушка.*

— *Чем он клал?*

— *Ковшичком.*

— *А каким?*

— *Золотым.*

— *Дай-ка мне?*

— *У тебя нос в говне.*

Поди вымой на реке

В кипяченом молоке [АЛФ, Лукино, НТБ, зап. 2001].

О том, как эта тема развивается в городском анекдоте см. статью М. Мельниченко и А. Архиповой: [Мельниченко, Архипова 2013].

Бумага, медь и серебро

Примечательно, что во всех контекстах, где упоминаются деньги, речь идет исключительно о монетах, бумажные деньги не рассматриваются традиционной культурой как ритуально или мифологически нагруженный предмет. Что касается металлов, из которых сделаны деньги, то наблюдается тенденция к противопоставлению «серебро vs золото / медь» и «серебро / золото vs медь».

В первом случае противопоставляются не сами металлы, а белый и желто-красный цвета. Серебро в большей степени связано с продуцированием благополучия, красоты, богатства людей, используется в обрядах продуцирующих и очистительных, таких как осыпание, мытье, одаривание. Напротив, медь и золото скорее выступают как металлы, связанные с потусто-

ронним миром (отсюда традиция класть в землю именно медные монеты): желтые монеты принято класть под углы строящегося дома, бросать в могилу или закрывать ими глаза покойнику, кидать в первую распаханную борозду и т.п. В этих контекстах серебряными монетами называются не монеты из серебра, а монеты серебристого цвета, а золотыми или медными — бронзовые монеты, получившие хождение вместо медных с 1920-х гг.

Во втором случае медь противопоставлена серебру и золоту как знак бедности. Однако она несет эту семантику не только потому, что обладает наименьшей стоимостью, но и в силу языковых причин: созвучия «медный — бедный». Медные деньги сняты к плохому:

И мне однажды приснилось — я еще маленький был <...> Рою землю. И я там ковыряю, ковыряю, медную монету. И я дедуку говорю: «Дедушка, я у Степу Филькина там много монет наковырял медных». — «А где?» Я говорю: «Где, я под подушку наверно положил». Проснулся — нету. Он говорит: «Так ты во сне ковырял?» Я говорю: «Да». Он говорит: «Наверно, плохо Степе будет». И через несколько дней Степа умер. Вот медные деньги, рыба — плохо [АЛФ, Рягово, ГАП, зап. 1998].

Невесте во время свадебного опевания присутствующие желают иметь не медные деньги, а золотые — именно об этом пелось в свадебной песне, как сообщает информант 1922 г.р.:

*У нас невестушка не бедна,
Надо денежка не медна,
У нас невестушка шелкова,
Надо денежка рублёва,
Сватушка, не скупися,
Золотой казной поделися,
Золотой казной не нажиться,
Лиходейке-жене не розжиться,
Она в пир пойдет-загуляет,
Из пиру пойдет-потеряёт,
Водки дай и деньги на стол.
[АЛФ, Ухта, ЖМИ, зап. 1996]*

Деньги перенимают семантику различных других предметов и становятся одним из наиболее универсальных концептов традиционной культуры. Почти всегда они называются в ряду других предметов, обладающих той же или близкой семантикой: богатство может быть обозначено дорогими предметами: одеждой, утварью — или урожаем, изобилием пищевых продуктов; очистительной и продуцирующей функцией наряду с серебряной монетой в тех же контекстах может обладать

яйцо. Специфична структура нарратива, где деньги упоминаются в качестве третьего-четвертого звена в ряду семантически нагруженных предметов:

Ну, я прям да... вот что... вот беру яйца, вербы, деньги и икону. [Куда?] Икону... а всё в сетку вот, что... как понесешь-то на пастбище-то вот куда идти [АЛФ, Тихманьга, ЕЛА, зап. 2002].

Ср. уже приводившийся в разделе «Лечение и деньги» текст, в котором описывается умывание ребенка: сначала упоминается чистое место, откуда берут воду, затем березовый веник и словесные формулы. Только после дополнительного вопроса собирателя названы деньги:

[Она простой водой мыла?] Ну, все равно, там она чё-то пошопчёт всё, пошопчёт, воду-ту. А водичку уж это как гриешь, так ему уж особу нагриешь, дома ли, как тут, отнесешь <... > И веник возьмешь, вот три вички из веника — парить ёго, робёнка. Три вички. Выдернет, вот его тут там и помашет этими, листочками. Это, к нам все ходила старуха дак. Дак уж она там чё говорит. Что там: «Не болей»... да чё-нибудь приговариват. [А деньги в воду не клали?] Дак денежки, вот я говорю, что двадцать копеек всё клали [Знатки 2013: № 352].

В обрядовых практиках, как видно из рассмотренных примеров, деньги отнюдь не всегда символизируют богатство. В ряде случаев их семантика расширяется (доля) или изменяется (здоровье, плодородие, сглаз). Большее разнообразие объясняется бóльшим количеством контекстов, в каждом из которых актуализируется какое-либо одно свойство денег, формирующее их семантику. В определенном смысле можно говорить о деньгах как об универсальном носителе информации ритуального характера.

Списой сокращений

АЛФ — Архив полевых записей лаборатории фольклористики РГГУ

Библиография

- Айвазян А.* Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах // Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. С. 162–184.
- Астапова А.* Про пятак под пяткой // Фетиш и табу: Антропология денег в России: Сб. ст. / Сост. А. Архипова, Я. Фрухтманн. М.: ОГИ, 2013. (в печати).
- Богданов К.* Фольклорный аудит: наличность и персонал // Фетиш и табу: Антропология денег в России: Сб. ст. / Сост. А. Архипова, Я. Фрухтманн. М.: ОГИ, 2013. (в печати).

- Гордеева Н.А.* Указатель сюжетов быличек и бывальщин Омской области (1978–1984) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики. Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1991. С. 99–112.
- Зиновьев В.П.* Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири: Сб. ст. Новосибирск: Наука, 1985. С. 62–76.
- Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Под общ. ред. А.Б. Мороза. М.: Форум; Неолит, 2013.
- Каргополье: Фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья / Под общ. ред. А.Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009.
- Мельниченко М., Архипова А.* Зарплата киллера, или Анекдоты о деньгах // Фетиш и табу: Антропология денег в России: Сб. ст. / Сост. А. Архипова, Я. Фрухтманн. М.: ОГИ, 2013. (в печати).
- Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Под ред. К.Е. Кореповой. СПб.: Тропа Троянова, 2007.
- Скулачев А.А.* Былички о летучем змее из Вельского района Архангельской области // Живая старина. 2012. № 1 (73). С. 21–23.
- Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Список информантов

Абакумово, Каргопольский р-н

ОАГ — Окулов Алексей Германович, 1932 г.р., муж ОВМ

ОВМ — Окулова Валентина Мироновна, 1938 г.р., жена ОАГ

Архангело, Каргопольский р-н

ВАС — Суханов Виктор Анатольевич, 1955 г.р., муж СОА

ЕИ — Сопаква Евдокия Ивановна, 1910 г.р.

СОА — Суханова (в девичестве Русских) Ольга Анатольевна, 1968 г.р., жена ВАС

Благовещенск, Вельский р-н

РАН — Некрасова Роза Арсентьевна, 1934 г.р.

Бор, Каргопольский р-н

ГЛМ — Гришченко Лидия Михайловна, 1931 г.р.

Казаково, Каргопольский р-н

КАИ — Константинова Александра Ивановна, примерно 1930 г.р.

КВИ — Крюкова Валентина Ивановна, 1947 г.р.

УЗА — Уткина Зоя Александровна, 1917 г.р.

Калитинка, Каргопольский р-н

КГИ — Коврова Галина Ивановна, 1947 г.р.

ТВТ — Тоскаева Тамара Васильевна, 1927 г.р.

Слобода, Каргопольский р-н

ЗЯП — Пошлякова Зоя Яковлевна, 1916 г.р.

Каргополь

ЧКИ — Черепанова Ксения Ильинична, 1927 г.р., профессиональная знахарка

Данилово, Каргопольский р-н

ШЛК — Шубникова Лидия Константиновна, 1930 г.р.

Евсино, Каргопольский р-н

БАА — Бирюкова Анна Андреевна, 1917 г.р.

Медведево, Каргопольский р-н

БАФ — Богданкова Анна Федоровна, 1933 г.р.

Сварозеро, Каргопольский р-н

МАС — Митина Анна Степановна, 1919 г.р.

Шильда, Каргопольский р-н

КЕС — Карелина Елизавета Семеновна, 1924 г.р.

Лекима, Каргопольский р-н

ПВА — Попова Вера Алексеевна, 1923 г.р.

Лукино, Каргопольский р-н

НТБ — Назарова Татьяна Борисовна, 1966 г.р.

Лядины, Каргопольский р-н

АВА — Абакумова Вера Алексеевна, 1933 г.р.

ЕЗИ — Еремеева Зоя Ивановна, 1949 г.р.

Мехреньга, Няндомский р-н

БВЛ — Бардинова Валентина Лазаревна, 1926 г.р. невестка УМФ, сноха БЛМ

БЛМ — Бардинова Лидия Максимовна, 1936 г.р., невестка УМФ, сноха БВЛ

УМФ — Губинская Мария Федоровна, 1927 г.р., золовка БВЛ и БЛМ

Моша, Няндомский р-н

ЕСИ — Едакина Софья Ивановна, 1921 г.р.

Никола, Каргопольский р-н

КЕА — Капустина Евдокия Александровна, 1930 г.р.

Печниково, Каргопольский р-н

ТАИ — Тонких Анатолий Иванович, 1940 г.р.

Рягово, Каргопольский р-н

ГАП — Грабович Александр Петрович, 1939 г.р.

ЗУА — Заварина Ульяна Александровна, 1919 г.р.

ОБВ — Оборин Борис Владимирович, 1932 г.р.

РАВ — Распутина Анна Васильевна, 1933 г.р.

Льнозавод, Каргопольский р-н

ФКГ — Фокина Клавдия Григорьевна, 1931 г.р., жена ФМФ

ФМФ — Фокин Михаил Федорович, 1926 г.р., муж ФКГ

Тихманьга, Каргопольский р-н

ЕЛА — Евсеева Людмила Александровна, 1947 г.р.

Труфаново, Каргопольский р-н

АЕС — Смышляева Антонина Егоровна, 1936 г.р.

ПЕН — Попова Евстолия Николаевна, 1933 г.р.

Ухта, Каргопольский р-н

ЖМИ — Журавова Мария Ивановна, 1922 г.р.

КАП — Коржина Анастасия Петровна, 1923 г.р.

ПАК — Падчина Анна Кузьминична, 1921 г.р.

ПЕК — Правдина Евдокия Кузьминична, 1908 г.р.

ТИС — Силина Таисия Ивановна, 1919 г.р.

Хозьмино, Вельский р-н

КАЕ — Кондратова Елена Александровна, примерно 1965 г.р.

ЧГА — Черных Галина Анатольевна, 1936 г.р.

Чурилово, Каргопольский р-н

СКМ — Стаканова Клавдия Михайловна, 1914 г.р.